

¹⁰⁰ Шмидт П.Ю. Остров изгнания (Сахалин). СПб., 1905. С. 76.

¹⁰¹ Аннерт Э.Э. Путешествие на восточное побережье Русского Сахалина в 1907 г. СПб., 1908. С. 7.

¹⁰² Алпатов Л. Сахалин: путевые записки этнографа. М., 1980. С. 46, 50, 75, 87.

¹⁰³ Миссонова Л.И. Этнонимия ульта Сахалина.... С. 51–56.

¹⁰⁴ Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях... С. 48.

¹⁰⁵ Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975; Арутюнов С.А., Щербеньков В.Г. Древнейший народ Японии. Судьбы илсмени айнов. М., 1992.

L.I. M i s s o n o v a. The Uilta of Sakhalin: Main Research Issues

The main research issues of the Uilta (Oroks) of Sakhalin (Nogliki and Poronai rayons) are discussed. The Uilta are known for the researchers since 1630s, but only during the recent decades, an active research has started. The historiography of the Uilta demonstrates that they were studied mainly within the framework of Tungus-Manchu peoples research, or as a part of Sakhalin ethnic situation. Many issues related to their origin, settlement, relations among different clans, and historical demography etc. stay unresolved.

© 2002 г., ЭО, № 5

Г.В. Цулая

ИЗ КАВКАЗСКИХ СВЯЗЕЙ ГРУЗИНСКОГО ОНОМАСТИКОНА

Еще Н.Я. Марр, труды которого по общим и частным вопросам кавказоведения для науки, к сожалению, едва ли не основательно забыты специалистами, писал, что ономастикон «кавказских народов совершенно не разработан. Между тем личные имена имеют открыть нам целую, притом наиболее живую страницу в истории кавказских народностей. Имена не только народного происхождения, но и наносные с усвоенным извне исповеданием или просвещением только и способны нам поведать кое-что любопытное и по прошлому книжно-культурных народов, обладающих письменностью и национальной историографией»¹. И действительно, антропонимы нередко предоставляют информацию, порой достойную соперничать со сведениями нарративных источников.

Однако эта область источниковедения отстает и сегодня, спустя почти сто лет после публикации российским ученым труда, цитата из которого приведена выше. До сих пор мы не имеем систематизированного антропонимического толкового словаря ни по одному из народов Кавказа².

Нам уже неоднократно приходилось говорить, например, о грузинском имени лексически абхазского происхождения *Лашиа*, восходящего к XII в., проливающего свет на этнокультурную историю древних абхазов (в их узко этническом понимании), в грузинских источниках названных однажды (но надежно) *апсарами*. Благодаря этим материалам очевидна и роль грузин в христианизации этого народа, так и не доведенной в свое время до логического завершения из-за негативных последствий иноземных завоеваний, приведших в эпоху монгольского господства и далее в течение веков к примитивизации всего многоплеменного населения Восточного Причерноморья.

Что же касается племени апсаров, то в специальной литературе было высказано мнение, что «термин апсары является того же корня, что и апсилы и самоназвание абхазов апсуа»³. Того же мнения придерживался и Х.С. Бгажба, не сомневавшийся в том, что племенное название апсил имеет ту же основу, что и современное само-

название абхазов – апсуа, данное племенное название, но в ином оформлении – апсар – встречается у древнегрузинского историка⁴.

В принципе с этой уверенно высказанной авторами догадкой можно считаться. Но здесь имеется одна существенная частность, которая вызывает у меня мысль, что *апсары* и *апсилы* представляли собой два разных, но генетически родственных племени (ср. те же *апсилы* и *абазги*). В Восточной Грузии (историческая Картли-Иберия), где создавалась названная летопись, хорошо отличали апсаров от апшилов. Именно здесь сказано: «*Кхалакhi Апшилетhиса да Апhхазетиса Схумi*» («Город Апшилии и Абхазии Цхуми») ⁵. Если автор этих строк (представляющий определенный общественный круг тогдашней Восточной Грузии) знал страну Апшилию, то он, естественно, не мог не знать апшилов, давших своей стране свое собственное название. Одним словом, остается повторить, что грузинские летописцы вполне могли отличить апсаров от апшилов-апсиров. А в Западной Грузии апсары были забыты в результате их ассимиляции с картвелами в процессе христианизации. Вместе с тем, до наших времен сохранился этноним *апшил* в корне мегрельской фамилии Апшил-ава, населяющей большую часть этнографической Мегрелии⁶. Одним словом, перед нами – один из тех случаев, когда антропонимический материал успешно соперничает с данными письменных источников.

Продолжая приведенное высказывание Н.Я. Марра, заметим факты, корректирующие мысль ученого. В цитированной статье Н.Я. Марр пишет: «Чрезвычайно любопытно, что существует абхазская фамилия аланского происхождения в мингрельской форме *Alania*»⁷. Но дело в том, что Н.Я. Марр писал свое сочинение до выхода в свет работы его ученика И.Кипшидзе «Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем», опубликованной в Санкт-Петербурге лишь в 1914 г. в серии «Материалы по яфетическому языкознанию». Из нее мы узнаем, что в мегрельском существовало слово «алан» в качестве эпитета сильного человека. Так мегрелы именовали карачаевцев⁸. Так что абхазская фамилия Аланиа антропонимически, как и многие другие, раздвоена между мегрелами и абхазами⁹: собственно абхазская форма представляет собой просто этноним – «Алан». Из мегрельского в абхазскую среду проникла также фамилия этнонимического характера *Осиа*, связанная с грузинским названием осетин, в собственно абхазской среде оформленная в виде *Озба*. Абхазское наименование сванов *ашьануа* легло в идентично звучащую абхазскую фамилию. Ср. мегрельск. *Шониа* – фамилия из мегрельского названия сванов. Аналогичным путем образовались и этнонимические фамилии *Лазба* и *Чанба*, в корне которых лежат этнические названия соответственно – *лаз* и *чан*¹⁰.

Вообще фамилии этнонимического происхождения на Кавказе, как и в других странах, – явление закономерное. Н.Я. Марр, очевидно, намеренно не делал исторических заключений, на первых порах занимаясь лишь сбором конкретного материала.

Одним словом, ономастика в целом – это та же самая летопись народов, но выраженная в лапидарных формах, и лишь через знание исторической ситуации, в которой возникли те или иные ее элементы, возможно более или менее адекватно ориентироваться в исторической ретроспективе.

Остановлюсь еще на примере решения с помощью антропонима одной из культурных проблем Северного Кавказа, в частности, Нартовского эпоса местных народов.

Специалисты затратили много усилий для того, чтобы создать так называемое «первоначальное ядро» Нартовского эпоса: вопрос этот упирался преимущественно в имя главного героя эпоса *Сослана* (в разных национальных вариантах снабженный своим антропонимическим формантом). Первоначально оно встречается на осетинской почве: так звали супруга грузинской царицы Тамар еще в бытность его в Алании задолго до женитьбы на грузинской правительнице, где он в свою очередь получил наиболее престижное здесь династическое имя Давид – *Сослан-Давид*. Еще в 1935 г. В.И. Абаев, сопоставляя кабардинский и осетинский варианты имен главных героев

Нартковского эпоса, соответственно Созырыко и Сослан, довольно пессимистически заключал, что эти его сопоставления не дают «в общем ничего определенного» относительно их историко-лингвистического разъяснения, так как корень имени *Сос* не относится ни к осетинскому, ни к кабардинскому языкам. В последней на эту тему работе В.И. Абаев окончательно пришел к выводу о тюркско-монгольском происхождении имени Сослан и привел доказательства из ногайского языка, на котором это имя означает «иметь грозный вид», «хмурый», «грозный», что вполне соответствует самому образу эпического героя. Но тут возникает другой вопрос: в первых записях Нартковского эпоса осетин известна адыгейзированная форма *Созырыко*, но не Сослан. Однако «на помощь» идут материалы из вариантов, можно думать, испытывавших влияние осетинского эпоса еще до первых его записей: балкарское Сослан, чеченское и ингушское Солса, грузинское Сосуран, сванское Сослан. В адегизированном виде, как пишет В.И. Абаев, имя и вернулось к осетинам¹¹.

Грузинский источник также свидетельствует о примечательном факте – проникновении в аланскую среду тюрко-монгольского имени, возможно, задолго до татаро-монгольских завоеваний Алании: Сослан (Давид), конечно, не мог быть не только единственным, но и первым «Сосланом» в аланской этнической среде. Этот вероятный факт может свидетельствовать о престижности и популярности этого имени не только среди алан-осетин, но и других народов Кавказа (адыгов, вайнахов, картвелов и др.). Он передавался путем разнообразных бытовых и других связей, отразился в фольклорных формах.

В письменных памятниках грузин имя Сослан больше не встречается. Даже в поэме Руставели, где Сослан воспет уже в третьей строфе, именем Сослан он не поименован, а в заключительных строфах назван Давидом: «Бог грузин Давид».

Это обстоятельство должно указывать на позднее, неруставелевское авторство, не только этой строфы, а всего заключительного пассажа «Витязя в тигровой шкуре», когда в памяти грузинских потомков образ Сослана-Давида приобрел культовый характер и, возможно, даже ассоциировался не только с грузинским царем Давидом Строителем, но и с Давидом библейским.

В 1902 г. Д. Каричашвили выпустил свое издание «Витязя в тигровой шкуре» с обширным предисловием, названным Н.Я. Марром «любопытным». Д. Каричашвили отверг аутентичность вступительных строф поэмы Руставели, за что Н.Я. Марр и обрушил на него строгую критику: мнение издателя не соответствовало его изначальной концепции происхождения произведения грузинского поэта: «Отметая целиком, как сорную траву, все вступление, мы, конечно, легко достигаем лишь одного: отпадает автентичность свидетельства самого автора о персидском происхождении поэмы»¹². Как показали последующие исследования, контраргументы Н.Я. Марра оказались более чем неубедительными¹³.

Но при сопоставлении имени Сослана с антропонимическим словарем осетин более позднего времени, мы не можем не заметить, насколько мало оно распространено. И это видно уже не только в упомянутых выше вступительных и заключительных строфах поэмы Руставели, в которых оно вообще отсутствует, но и в замене его впоследствии в осетинском варианте Нартковского эпоса адыгским именем Созырыко. В истории и фольклоре осетин фигурируют эпические бойцы теперь уже с другими именами (но не образами), ничего общего не имеющими со скифо-сармато-аланским ядром Нартковского эпоса.

Абхазава-Абаза. Семантика мегрельской фамилии Абхазава слишком прозрачна, чтобы нуждаться в специальных этимологических операциях и генеалогическом ее определении. Носители этой фамилии рассеяны на обширной территории от Верхней Мегрелии до Гульрипшского р-на Абхазии. Впервые названная фамилия была зафиксирована в документах первой половины XVII в.¹⁴ Первоначальными носителями этой фамилии, как она о себе свидетельствует, должны были быть собственно абхазы.

Два этнонима – *абхаз* и *абаза* – не только родственны, но и представляют собой две формы одного и того же племенного названия, восходящего к древнему греко-

латинскому *абазг*. В связи с этим антропонимом, как парадокс, возникает вопрос и о русской фамилии Абаза. Н.А. Баскаков в известном своем труде о русских фамилиях тюркского происхождения, ссылаясь на специальную литературу, указывал, что русская фамилия Абаза впервые зафиксирована в 1843 г.: «Происходит она из тур. Abaza – «глупый», – слово, которое послужило первоначально прозвищем, а затем и фамилией»¹⁵. Это едва ли не прямая выписка из труда М. Фасмера: «Абаза – бестолковый басурманин. Заимствовано из тур., крымско-татарск. abaza – "глупый, безумный", также неразборчиво говорящий человек»¹⁶.

Этнонима абазы коснулся и В.И. Даль, однако спутал его с 20-ти копеечной монетой «абаз», связанной с именем персидского шаха Аббаса (XVII в.), с которой этноним «абазы» не имеет ничего общего. Вместе с тем В.И. Даль приводит и реальные факты: слова «абазы» в черноморском говоре означало «жестокый восточный ветер, от каказского берега, опасный для дунайских рыбаков», а также приводит его «бранное» содержание: бестолковый басурманин, т.е. человек, не умеющий говорить по-русски: «Эй вы, абазы немая...» вероятно, из названия горского племени¹⁷.

Как свидетельствует В.В. Радлов, термин «абазы» в качестве синонима глупца был распространен среди турок-османов, а «в Крыму преимущественно этим словом обозначается человек, который говорит крайне невнятно или вследствие неясного недостатка логики»¹⁸.

Абазы – вполне определенный, исключительно кавказский («яфетический») этноним, как уже было сказано, родственный древнему названию предков северных абхазов абазг и, естественно, ничего общего не имеет с тюркским языковым миром.

Этноним «абазы» впервые встречается в русских источниках XI в. в русском фонетическом оформлении – *обезы*, к этому времени распространявшийся на грузин в целом. Так, комментатор «Повести временных лет» Д.С. Лихачев пишет: «В перечислении 72 народов в русской Толковой Палее против наименований некоторых народов даны разъяснения: «авер» – «иже суть обезы»¹⁹.

В XII в., как замечает А.П. Новосельцев, русские князья через асов и аланов, а также через половцев устанавливали тесные политические связи с Грузией. Согласно русской летописи, грузинская царевна Русудан, сестра Георгия III и тетка будущей царицы Тамар, была выдана в 1154 г. за волынского князя Изяслава Мстиславича. И далее цитирует летопись: «Он повел из Обез жену себе». Между прочим, это первый в истории письменно зафиксированный смешанный русско-грузинский брак²⁰.

Одним словом, обезы-абазы никак не связаны с тюркским языковым миром. Русская форма *обезы* после монгольских завоеваний уже, кажется, в самостоятельном плане не употребляется. Исключение составляет «Повесть о Вавилон-граде» (XV в.), написанная по более древним источникам и в которой обезы представлены в форме *обежанин*, сам этот термин дан в согласии с тем, что было приведено в «Толковой Палее»²¹. На смену ему приходит турецкая (османская) форма Абаза (название страны и народа). Описание многочисленных племен этой страны дал известный турецкий путешественник и географ Эвлия Челеби (XVII в.), у которого под Абазой подразумевается исключительно Северная Абхазия и сопредельные с нею области страны абазин.

В нашу задачу не входит пересказ повествования Эвлия Челеби о стране Абаза, которую он неизменно называет прекрасной. Остановлюсь лишь на «турецком» слове абазы – якобы, «глупый». Прежде всего оговорюсь: возможно, этот просвещенный турок не был знаком с вульгарными простолюдниками (для которых, между прочим, и знание их языка инородцами не мешает называть таковых дураками) и потому не называл не понимаемых им людей «глупыми». Но вот как пишет Эвлия Челеби, давший описание «25 племен народа абазы» и впервые зафиксировавший элементы абхазского языка, языков народов страны Абаза, с которыми он общался: «Кроме этих языков есть еще много других, но в памяти остались только эти (с которыми ознакомился), когда общался с ними во время торговых дел. К тому же эти языки только таким образом можно перенести на бумагу. Потому что очень трудные говоры,

будто птичий сорочий говор. Нужно быть человеком очень смышленным, способным (к языкам), зрелым и умеющим подражать, чтобы суметь вести разговор с народом абазы» и т.д.²²

Одним словом, повторяю известную (очевидно, не для всех) истину, что русская фамилия Абаза в семантическом плане не имеет ничего общего с тюркской языковой семьей, как и большая часть приводимых Н.А. Баскаковым, смешавшим антропонию – фамилии – с генеалогией. Нет слов, русская антропонимия богата тюркизмами, но их, очевидно, надо устанавливать иными, специальными методами. А русская фамилия Абаза свидетельствует о кавказско-русских сношениях (так же, как Абхазава и т.п. о сношениях грузино-абхазских), среди которых я особо хочу отметить русско-казацкую фамилию Грузиновых – потомков поселившегося на Дону при Петре I выходца из Грузии. Они были истреблены антирусскими иноземными лазутчиками.

Таким образом, два близкородственных этнонима – абхаз-абазг-абазы – одного народа легли в основу родовых имен двух разных народов – русских и грузин. Так неисповедимы пути этнических процессов.

Возвращаясь к собственно картвельско-абхазской тематике, замечу, что картвельско-абхазские ономастические связи представляют особую, еще далеко не разработанную область в специальной литературе. Здесь же приведу и такую особенность, свойственную ономастике кавказских народов, но имеющую различные исходные условия – этническое раздвоение родовых имен.

Типичны в прошлом случаи, когда грузинский, в том числе и мегрельский антропонимический формант присоединялся к чисто абхазским фамильным основам и являлся показателем стихийных ассимиляционных процессов. К таковым относятся не только мегрелы Самурзакано (само его название морфологически чисто мегрельское). Здесь распространены такие в основе абхазские фамилии, как Эзугба-иа, Зухба-иа, Тузба-иа, Абухба-иа и т.д. Но и в самой коренной Грузии к ярким примерам такого рода фамилий можно причислить, очевидно, не одну Ахобадзе (из абх. Ахэба), а также Чачиба-иа – корень абхазского племенного названия Чач и т.д., вышедшие из абхазского ономастикона и свидетельствующие о размахах абхазо-грузинских этнических сношений. При недостаточности письменных свидетельств об этом явлении данные ономастикона могут сыграть положительную роль.

Здесь же приведу еще один из многочисленных примеров этнического раздвоения между грузинами и абхазами одних и тех же антропонимов (фамилий). Так, например, корень фамилии Конджария восходит к грузинскому (но некартвельскому) слову *канджари* (смена грузинской фонемы *а* на мегрельское *о* – последовательная закономерность и в дополнительных примерах не нуждается). Основа данной фамилии *канджари* по определению С.-С. Орбелиани – «дикий осел»²³.

В ряд грузинских фамилий данный антропоним попал, видимо, через церковь. В текстах Нового завета прослеживается культ осла. (Ср.: Вход Господень на осле в Иерусалим.) А дикий осел по библейским традициям был символом свободолюбия.

Примечательно, что на абхазской почве сохранилось слаборазвитое *о*, случай редкий для абхазского языка и потому, я думаю, что этническое раздвоение указанной фамилии произошло в условиях особо тесного сожительства абхазов и мегрелов.

Амбалиа – мегрельская фамилия, по словам Н. Джомидава, известна по документам первой половины XVII в.²⁴ Этот автор не приводит этимологии, считая ее неясной. Вместе с тем в данном антропониме мы видим прямую связь с осетинским словом *анбал* – «товарищ», «спутник» и первоначально должно было означать «товарищ по походу»²⁵.

Впервые это имя письменно встречается в русских летописях, при описании некоего ясына Анбала (Амбала), выдвинувшегося из бродячих субъектов до служилой новой знати при княжеском дворе Андрея Боголюбского. Став ключником князя, Анбал сказочно разбогател. Примкнул к той части антикняжеского боярского заговора, которая одержала верх²⁶. Анбал княжеский ключник был одним из тех ясов (груз. – осов, овсов), которых в русском народе называли *аланец* – «непоседа». В.И. Абаев

не сомневался, что в «аланец скрывается этнический термин алан»²⁷.

Замена в разбираемом антропониме осетинского *н* на *м* – обычное явление в мегрело-чанском языке. Но считать осетинское слово аланского периода основой указанной мегрельской фамилии вряд ли правомерно. Она скорее всего образовалась в результате миграции осетин по фамилии Амбалте в Мегрелию, принявшей особо масштабный характер в Грузии с XVII в.

Гегечкори – грузинский конфессиональный титул, ставший мегрельской фамилией по типу имя-фраза²⁸. По мнению Н. Джомидова, данный составной антропоним сложен из двух частей – имени св. Георгия и несохранившегося ныне в мегрельском в отдельном употреблении *чкори* – «раб», «слуга», «прислужник», а в период крепостного права в Грузии соответственно «крепостной». Но смысл самого имени-фамилии-титула Гегечкори не тот, что думает Н. Джомидов: «святой Георгий раб Божий»²⁹, а наоборот, – «раб, слуга святого Георгия».

Церковная слава и культ св. Георгия на Кавказе не у одних только грузин были столь велики, что в некоторых случаях (например, у осетин) его чтили выше даже Христа. Что же касается грузин, то местная церковная традиция не преминула сочинить ему коллатеральное родство с самой Просветительницей Грузии – равноапостольной Нино (нач. IV в.)³⁰.

Вахушти Багратиони фиксирует полулегендарные предания о св. Георгии и придает ему чисто грузинский образ и даже греческое имя великомученика Георгиос – «землепашец» дает в грузинском переводе *мушаки* – «трудящийся», как данное ему собственно грузинами. Затем, продолжает Вахушти Багратиони, «когда (грузины), познав от святой Нино единосущую Троицу, Истинного Бога, потому как отец Нино был каппадокийцем, был родственником святого великомученика Георгия. Поэтому во все времена большая часть знамений и чудодееваний суть от великомученика Георгия во всей Иверии, ибо в ней нет ни холмов, ни гор высоких, на которых не была бы поставлена церковь святого Георгия, и то – потому и (Грузия) стала им именоваться Георгией»³¹.

Такое повсеместное распространение культа и имени св. Георгия среди всех этнографических групп грузинского народа придали этому имени своеобразие в соответствии с фонетическими законами грузинских диалектов, что отразилось в немалой степени также и в топонимии. Кипшидзе дает перечень вариантов имени св. Георгия, ограничивая ее только лишь Западной Грузией: Джеге, Джеге, Джеге, Геге³². Впоследствии они стали мужскими личными именами, правда, распространенными преимущественно (если не исключительно) в социальных низах. Для аристократов (*тавадов* и *азнауов*) эти формы практически были немыслимы, они признавали исключительно оригинал – Георгий, одно из наиболее популярных после библейского Давида имен грузинских династов.

Выше я говорил, что образ св. Георгия был весьма почитаем в Грузии. А в некоторых частях страны, особенно же в Мегрелии, модифицированная форма имени св. Георгия – *Джеге* стала в конечном счете обозначать саму святость: Джеге-Мариам – «Святая Мария» и т.д.³³ В.И. Абаев считал, что дигорская форма наименования «святой Георгий» и семантически и формально (фонетически) примыкает не к греко-латинской, и не к собственно грузинской (восточно-грузинской), а именно к мегрельской³⁴. Это подтверждается и письменными сведениями (византийскими, грузинскими, армянскими), согласно которым распространение христианства, его культовой терминологии, почитания христианских святых на Северный Кавказ шло из Абхазского царства со столицей в Кутатиси (Кутаиси) и, как свидетельствует ряд языков народов Северного Кавказа, на грузинском и армянском языках. В грузинском ономастике встречаются факты, когда иноземные и иноязычные слова, получившие в грузинской среде, так сказать, «антропонимическое обаяние», превращались в собственные имена и фамилии. В качестве примера назову чисто грузинское имя Этери и производную от него фамилию Этери, в основе которой лежит древнегреческое слово *ather* «эфир». Впервые это слово в грузинском встречается в поэме Руставели.

Внешне нечто подобное представляет собой и чисто грузинская фамилия Каландиа, ничего общего не имеющая с картвельскими языками и в качестве обрядового термина усвоенная грузинами из греко-византийского мира: латинское *Calendae* – первое в римском лунном календаре число каждого месяца. Несмотря на запрет византийскими клириками языческих празднований, *календы* в народных низах были столь популярны, что византийские власти в IX–XII вв. были вынуждены их даже канонизировать. Именно отсюда они получили распространение не только в Грузии, но и на Руси в X–XI вв. под названием *коляд* – аналога грузинской *каланда* и равным образом отмечались от Рождества Христова до 1 января³⁵.

В Грузии каланда была едва ли не главным после Пасхи народным религиозным празднеством, которое не признавалось исключительно христианским. Поэтому недалеко от истины предположение Н. Джомидавы, что ставшее собственно христианским некогда языческое название празднования каланда превратилось в собственное имя, которым нарекали ребенка, родившегося в Новый год³⁶. Что касается предположения названного автора о связи этого латинско-византийского термина с другой грузинской фамилией Каландарашавили, то оно не соответствует действительности, так как корень последней фамилии должен восходить к персидскому *Qalandar*, «бездомный», «отрешившийся от мира», «странствующий дервиш»³⁷. В данном случае мы имеем одно из многочисленных антропонимических свидетельств об евразийском характере культурно-политического процесса в Грузии.

Садунашвили-Садуншвили. Одна из малораспространенных грузинских фамилий преимущественно в Восточной Грузии. Основу ее составляет имя Садун. Под таким именем в истории Грузии и Армении известно реальное лицо, родом курд. В истории грузинского народа он знаменит как собиратель раздробленной в послемонгольский период Грузии путем выкупа грузинских земель и объединения их фактически при содействии самого грузинского царя. Садун, правитель армянской крепости Манкаберд (отсюда и его титул – Манкабердци, грузинск. Манкабердели – Манкабердский) отличался недюжинной физической силой и умственными способностями.

О Садуне Манкабердском анонимный грузинский Хронист начала XIV в. писал, что он «был мудрым и разумным человеком и добронамеренным, прекрасным, силою весьма мощною, видный и отменный единоборец, стрелок искусный, который, став пред Уло (хан Хулагу. – Г.Ц.), поклонился и, сложа руки, говорил ему: "Потому как Господь ниспослал вам победы над всеми супротивниками вашими и выделил превосходящими над всяким людом, и нынче здесь присутствуют сто тысяч ваших всадников, и я готов состязаться с любым в единоборстве, либо вступить в схватку, либо стреляться". И не нашлось никого, подобного ему борца, а кто и нашелся – одолел каждого. Так он стал любимчиком Уло. И стал он возвеличиваться. А ввиду разумности его и царь Давид также почитал его»³⁸.

Садун естественно, как родным курдским, владел армянским, грузинским, персидским, монгольским языками. Во время переговоров грузинского царя с правителем ильханов Садун будучи переводчиком намеренно смягчал резкие в отношении завоевателей слова и выражения грузинского царя, тем самым спасал ему жизнь, может быть, рискуя собственной.

Природное многоязычие политического деятеля Садуна сделало его имя в Грузии нарицательным: создатель толкового словаря грузинского языка С.-С. Орбелиани (1658–1725) в статье «Садун» пишет: «Знаток различных языков»³⁹. Но в таком значении слово-имя Садун в грузинском языке не сохранилось. Синонимом *polyglottos* в грузинском, судя по указанному Словарю С.-С. Орбелиани, было грузинское слово *моэне* «знаток языков», слово *садун* стало вторым его эквивалентом⁴⁰. Поэтому основа грузинской фамилии Садунашвили-Садуншвили восходит не к ее значению как полиглота, как об этом, очевидно, склонен думать Р. Топчишвили⁴¹, а к курдскому имени Садун, и может свидетельствовать о каком-то факте абсорбции части курдов грузинами, что имело место (быть может, в большей мере) и в соседней Армении.

В основе имени Садун лежит либо арабское слово *Саад* – «счастливый», либо персо-

арабское Саади – «счастливый, удачливый»⁴². В среде современных курдов Грузии популярно производное от данного антропонима имя Садо, которое, безусловно, адекватно Садуну, но в грузинской ласкательно-звательной форме (ср. грузинское Дато от Давид, Андро от Андрия и т.д.).

В собственно грузинский именник имя Садун не вошло ввиду противоречивой оценки манкабердского владетеля в грузинской историографии. Но тем не менее, как мы видели, оно стало престижным синонимом полиглота, в Грузии всегда пользовавшегося всеобщим уважительным расположением.

В заключении хочу коротко коснуться личного момента. В 1989 г. вышел антропонимический сборник «Система имен у народов мира», в котором я представлял антропонимии грузин. И вот, в сравнительно недавно вышедшей книге Р. Топчишвили, достаточно богатой материалами и положительными выводами, мне посвящен небольшой раздел, в котором я представлен сторонником «идеи» (которую я иначе как сумасбродной не могу назвать) о грузинах, якобы представляющих смесь различных этносов⁴³. О других его замечаниях и не говорю: у каждого свое мнение. Но приписываемую мне «идею» о грузинском народе как смеси различных инородных племен иначе как абсурдом я воспринимать не могу. В прошлом эта «идея» действительно пропагандировалась, а на уровне невежественной бытовой обывательщины, слава Богу, безуспешно озвучивается и ныне.

Грузинский народ – народ многоплеменной, многодиалектный. Многоплеменность грузинской нации придает особое своеобразие ее культуре и быту. Кахетинские песни и бытовые особенности ощутимо отличаются от имеретинских; гурийский говор – от пшав-хевсурского, он имеет диалектальные отличия, столь же ощутимые, как их песни и отправление религиозно-культовых обрядов; чеканное искусство, развитое преимущественно в восточной части Грузии и особенно в горных ее районах, в Западной Грузии стало восприниматься сравнительно недавно и то под влиянием мастеров из Восточной Грузии. Многообразие грузинских племен лежит в основе такого феномена мирового звучания, как грузинское многоголосье, и в разных частях многоплеменной Грузии они нередко заметно различаются; многоголосье грузинского народного песнопения легло в основу грузинской музыкальной классики, равно доступной как академику-физику, так и крестьянину-виноградарю. Перечень особенностей грузинской народной и творческой культуры, которые вносят в них племенное многообразие грузинской нации, практически исчерпаем.

Это племенное многообразие отражается и в антропонимии. Каждый диалект формирует общегрузинскую антропонимию согласно своим диалектальным особенностям. Одним из ярких доказательств этого является на редкость богатый фонд антропонимических формантов в грузинской антропонимии. И если основа того или иного антропонимического материала может свидетельствовать об этноязыковой ее природе, то антропонимический формант указывает конкретно на племенную принадлежность той или иной фамилии.

Антропонимические сюжеты в современных кавказоведческих исследованиях столь же актуальны, как этноисторические, конфессиональные и т.д. Кавказ – страна родственников, а своеобразие географических и ландшафтных условий края придают этому обстоятельству особую остроту. Но нет врага страшнее домашнего, сокрушенно говорил Спаситель. Вот почему в трагические дни грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов бывали случаи (и не единичные), когда однофамильцы, что по кавказской системе родства соответствует строго экзогамному родству, избивали друг друга.

Трения между народами не только были и есть – они пребудут и в будущем: таков всеобщий закон истории. Как считал И. Кант, один из учителей человечества, – если бы между людьми не было трений, то аркадские пастухи в своем умственном развитии ушли бы не дальше выпасаемых ими овец; но суть существования заключается в неизменном стремлении к миру, не преступая «пределов разума».

Конечный итог антропонимических исследований – создание толкового антропо-

нимического словаря с привлечением данных различных областей гуманитарных наук. Но среди многих трудностей не последнюю (если не главную) будет представлять известная у многих народов этническая раздвоенность фамилий.

Примечания

- ¹ Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938. С. 57
- ² До сих пор остается исключением словарь: *Гр. Ачарян*. Словарь армянских личных имен (на арм. яз.), составленный по литературным армянским источникам.
- ³ Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 214.
- ⁴ Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка. Сухуми, 1964.
- ⁵ Картлис Цховреба (История Грузии). Составил по всем рукописям С.Г. Каухчишвили. Т. I. Тбилиси, 1955. С. 35 (на древнегруз. яз.).
- ⁶ Джомидова Н. Колхские (мегрельские) фамилии. Тбилиси, 1996. С. 19 (на груз. яз.).
- ⁷ Марр Н.Я. Указ. соч. С. 57.
- ⁸ Кипишидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914. С. 193.
- ⁹ К числу этнически раздвоенных грузино-абхазских фамилий я могу отнести и свою. Однажды я имел честь познакомиться с народным поэтом Абхазии Б.В. Шинкуба и, когда он спросил мою фамилию, то сказал, что у него на родине в с. Члоу (Срединная Абхазия) живут мои однофамильцы, но они абхазы и свою фамилию модифицировали в Дзлыя, и советовал мне посетить их. К сожалению, к этому совету я не прислушался.
- ¹⁰ Марр Н.Я. Указ. соч. С. 57.
- ¹¹ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка (далее – Абаев В.И. ИЭСОЯ) Т. III. Л., 1979. С. 139.
- ¹² Марр Н.Я. Вступительные и заключительные строфы в «Витязе в барсовой коже» Шоты из Рустава. Грузинский текст, русский перевод с пояснениями и этюдом «Куль женщины и рыцарство в поэме» // Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Т. XII. СПб., 1910. С. V.
- ¹³ Абаев В.И. О фольклорной основе поэмы Ш. Руставели «Витязь в барсовой шкуре» // Абаев В.И. Труды. Т. I. Владикавказ, 1990.
- ¹⁴ Джомидова Н. Указ. соч. С. 26.
- ¹⁵ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 253.
- ¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка Т. I. М., 1964. С. 56.
- ¹⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1956. С. 1.
- ¹⁸ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Ч. I. СПб., 1893. С. 625.
- ¹⁹ Повесть временных лет. Т. II. М., 1950. С. 213.
- ²⁰ Новосельцев А.П. Русь и государства Кавказа // Папуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 217.
- ²¹ Дулая Г.В. Обезы по русским источникам // Сов. этнография. 1975. № 2.
- ²² Челеби Эвлия. Книга путешествий. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983. С. 46–55.
- ²³ Орбелиани С.-С. Соч. Т. IV. Ч. I. С. 355 (на груз. яз.).
- ²⁴ Джомидова Н.Н. Указ. соч. С. 22.
- ²⁵ Абаев В.И. ИЭСОЯ. Т. I. М., 1958. С. 264.
- ²⁶ Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 216.
- ²⁷ Абаев В.И. Из истории слов // Труды. Т. II. Владикавказ, 1995. С. 644–646.
- ²⁸ О таких типах имен см.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 62.
- ²⁹ Джомидова Н. Указ. соч. С. 46.
- ³⁰ Дулая Г.В. Эпизод из жизни св. Георгия // Этногр. обозрение. 1997. № 3. С. 74–81.
- ³¹ Лахушети Багратиони. Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1973. С. 39–40 (на старогруз. яз.).
- ³² Кипишидзе И. Указ. соч. С. 412.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Абаев В.И. ИЭСОЯ. Т. IV. Л., 1989. С. 55–56.
- ³⁵ Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 2000. С. 227–228.
- ³⁶ Джомидова Н. Указ. соч. С. 89.
- ³⁷ Гафуров А.Г. Имя и история. М., 1987. С. 155.
- ³⁸ Картлис Цховреба (История Грузии) / Составитель Каухчишвили С.Г. Т. II. Тбилиси, С. 237 и др.
- ³⁹ Орбелиани С.-С. Соч. Т. 4. Ч. 2. С. 28.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Топчишвили Р. Когда возникли грузинские фамилии. Тбилиси, 1993. С. 65 (на груз. яз.).

⁴² Гафуров А.Г. Указ. соч. С. 184.

⁴³ Топчишвили Р. Указ. соч. С. 106.

G.V. T s u l a i a. On the Caucasus Influences on Georgian Onomastikon

Georgian onomastics and its relationships with the rest of the Caucasus are the objects of analysis in this historical-ethnographic paper. The author demonstrates that the anthroponyms of the peoples of Caucasus are a rich historical source, in many respects equal to written sources.